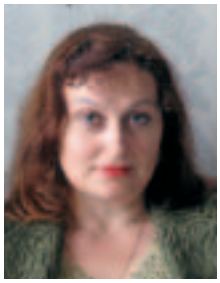
Современная информационная революция, изменив политическую картину мира, властно диктует новые принципы и правила политических коммуникаций в глобальном диалоге культур. Самой яркой чертой современности является ослабление традиционного политического поля: еще вчера мы рассматривали диалог цивилизаций в конкретно-историческом ракурсе – уже сегодня невозможно представить современную концепцию межкультурных политических коммуникаций без виртуальных информационных технологий.

Образ России в информационном обществе: новые грани виртуального диалога культур

Ирина ВАСИЛЕНКО
– доктор политических наук, профессор кафедры государственной политики МГУ им. М.В. Ломоносова

Трагедия и фарс современности – в развитии парадоксальной тенденции информационного общества: чем современнее становится общество, тем большее значение в нем придается не сложившимся политическим институтам и нормам, а виртуальной политической сцене, где властвуют виртуальные образы и имиджи. Новым кредо виртуальных информационных политтехнологов стал девиз: «То, что не показали по ТВ, вообще не произошло в политике». Поэтому новая информационная парадигма диалога цивилизаций означает, что позитивный образ культуры в мировых каналах коммуникаций играет сегодня определяющую роль в мировой политике.

Тем самым вопрос о роли символического капитала культуры в информационном поле, с помощью которого формируется виртуальный образ культуры, приобретает не абстрактно-теоретическое, а практически-политическое значение. П. Бурдье относит к символическому капиталу культуры коллективную память, общественные цели, проекты, культурные символы, духовную сферу социума

[1]. Символический капитал культуры основан на вере и признании тех миллионов людей, которые считают этот капитал ценным для себя и для других, и в этом смысле капитал культуры обладает реальной властью над умами. Именно потому, что символический капитал культуры является в чистом виде «доверительной ценностью», которая зависит от представления, мнения, верования, он особенно уязвим перед клеветой, подозрениями и обманом. Не случайно в информационном обществе он стал главным объектом информационной агрессии. Сегодня все чаще борьба за культурные ценности разворачивается в информационном поле — именно здесь передовой край постклассической политики. Основная идея информационной культурной агрессии в постклассическую эпоху — навязать другим народам программируемый информационный образ мира, подчинив тем самым всю систему их управления. Еще вчера для политологов особую важность представляли политические институты, уже сегодня в центре внимания — картография человеческой души, символический капитал культуры, виртуальный мир символов, анализ информационных потоков, среди которых важно своевременно выявлять и разоблачать агрессивные разрушительные информационные фантомы.

Сегодня идея культурного превосходства начинает занимать важное место в постклассических политических теориях. В концепции американского глобального превосходства, сформулированной З. Бжезинским, среди четырех имеющих значение областей мировой власти называется также и культура (наряду с военной сферой, экономикой и технологиями). Но сам З. Бжезинский все время оговаривается: культурное превосходство является недооцененным аспектом американской глобальной мощи. И что бы ни думали «некоторые» о своих эстетических ценностях, американская массовая культура излучает магнитное притяжение, особенно для молодежи всего мира [2, с.36-38].

Действительно, в мировых каналах коммуникаций американские телевизионные программы и фильмы занимают почти три четверти мирового рынка (хотя сам Бжезинский говорит о их «некоторой примитивности»). Американская популярная музыка лидирует в хит-парадах, язык Internet — английский, наконец, Америка превратилась в Мекку для тех, кто стремится получить современное образование: выпускников американских университетов можно найти на всех континентах, в каждом правительстве. Стиль многих зарубежных демократических политиков все больше походит на американский: в конце 90-х годов стремление копировать популистское чувство локтя и тактику отношений с общественностью американских президентов становится «хорошим тоном» для весьма многих политических лидеров «Большой семерки». Все это, делает вывод З. Бжезинский, и является условием установления «косвенной и на вид консенсуальной американской гегемонии» [2, с.39].

Так какова же на самом деле роль культурного превосходства в информационном обществе?

Политическая история свиде-

тельствует – удержать пространство мировых империй одной только силой никогда не удавалось. Недаром политологи оперируют понятием *легитимность власти* – идеей добровольного признания большинством граждан существующей системы политического господства. Все мировые империи исчезали с политической карты мира, исчерпав свой символический капитал – утратив идею культурного (идеологического) превосходства. Культурная деградация, культурный гедонизм элиты, больше не способной поддерживать идею духовного превосходства, сильнее подтачивали стены мировых империй, чем полчища варваров или армии неприятелей. Напомним, что СССР пал без единого выстрела со стороны НАТО, добровольно признав идеологическое поражение в холодной войне.

Холодная война стала первым сражением в мировой политической истории, когда в борьбе за пространство доминировали и определили победу не военные, а культурно-информационные технологии, цель которых – *лишить противника символического капитала его власти над пространством*. Оказалось, что овладеть территорией врага легче всего именно таким путем: **достаточно духовно обезоружить элиту, заставить ее отказаться от национальной системы ценностей в пользу ложной политической идеологии – и элита превратится в «пятую колонну» в тылу собственного народа** – начнет сокрушать национальные святыни, высмеивать национальных кумиров, восхищаясь всем иностранным и высокомерно третируя исконно почвенническую отсталость. И народ будет дезориентирован, духовно сломлен, морально подавлен и сокрушен – а значит защищать пространство родной цивилизации станет некому.

Вопрос о символическом капитале культуры в информационном обществе – *это вопрос о высоком престиже ценностей и принципов, на которых организовано пространство культуры, что заставляет живущий на этом пространстве народ и все окружающие его народы уважать сложившуюся систему политических отношений.*

Сегодня очевидно, что с развитием средств массовой коммуникации символический капитал культуры можно уничтожить в виртуальном пространстве, сформировав его негативный имидж в глазах мировой общественности. С помощью информационных технологий сегодня формируются представления о «прогрессивных» и «реакционных» политических ценностях и традициях, о «демократических» и «тоталитарных» странах и народах. Поэтому для любой политической культуры так важно утвердить свой позитивный символический капитал в информационном пространстве.

Возникновение информационных технологий, с помощью которых можно управлять массами, минуя территориальные границы, принципиально изменило представления о возможностях политических взаимодействий. Способность к самоуничтожению является обязательным элементом любых сложных информационных систем, к числу которых относятся сам человек, цивилизация и куль-

тура. **Целенаправленное информационное воздействие запускает механизмы самоуничтожения культуры с помощью генерации скрытых программ, на чем основано действие информационного оружия.**

Современное глобальное информационное пространство, в котором царствует Интернет, средства массовой коммуникации, реклама – это мир, управляемый информацией. Невидимые руки скрытого информационного воздействия формируют контуры будущего мира. Вот как обозначены новые приоритеты американской политической культуры в XXI веке: «Наш принципиальный подход заключается в следующем. Во-первых, мы должны быть готовы использовать все инструменты национальной мощи для оказания влияния на действия других государств и сил. Во-вторых, нам необходимо иметь волю и возможности для выполнения роли глобального лидера и оставаться желанным партнером для тех, кто разделяет наши ценности… Лидирующая роль США подкрепляется силой демократических идеалов и ценностей. Вырабатывая стратегию, мы исходим из того, что распространение демократии укрепляет американские ценности и повышает нашу безопасность и благосостояние. Следовательно, тенденция к демократизации и распространению свободных рынков по всему миру способствует продвижению американских интересов» [3].

Каналы коммуникаций всего мира становятся виртуальной силовой ареной политической борьбы за утверждение глобальных ценностей – на первый взгляд невидимой и бескровной, но в действительности жестокой и беспощадной. Промежуточные итоги этой глобальной борьбы за пространство становятся зримыми и реальными после очередных «гуманитарных антитеррористических операций», в результате которых на карте мира исчезают целые государства и народы, заклейменные средствами массовой информации как «ось зла».

Тот факт, что 85% мировой информации производят сегодня Соединенные Штаты Америки, на первый взгляд, делает исход виртуальной борьбы за пространство предопределенным и неизбежным. Но политическая история всегда была парадоксальной и непредсказуемой, в противном случае она неизменно приносила бы лавры только торжествующей силе. Однако на самом крутом вираже неожиданно раздавались эти роковые слова – «Горе победителям!», и начинался новый этап мировой истории. Поэтому не стоит придавать решающее значение информационной гегемонии западной политической культуры: в символическом универсуме культур количественное превосходство не является решающим. Здесь возможны сложные инверсии, когда под грубым информационным напором «перегретые» средства массовой информации могут включить механизмы сопротивления внушению (контрсуггестию) – и начинается процесс «расколдования мира», общество перестает поддаваться внушению надоевших символических образов и слов.

Именно этот процесс начинает разворачиваться на наших глазах. Пользуясь технологическим и ин-

формационным могуществом, западная культура агрессивно транслирует свои потребительские ценности в информационное пространство глобального мира, стремясь подчинить себе другие культуры, разрушая их традиционные ценности. Согласно данным Международного статистического института ЮНЕСКО, на Великобританию, США и ЕС сегодня приходится более 40% мирового производства товаров культурной сферы (аудио-визуальная продукция, книги, скульптуры и т.д.), в то время как для всех государств Африки и Латинской Америки эта цифра составляла менее 4% [4].

При этом западная культура использует не только информационные методы воздействия на другие цивилизации, но в последнее время все чаще пытается применять силовой фактор давления на локальные культуры. «Гуманитарные интервенции» в Афганистане и Ираке, палестино-израильский конфликт, антииранская кампания сегодня не случайно воспринимаются как противостояние христианской и мусульманской цивилизаций. В связи с этим бывший Генеральный секретарь ООН К. Аннан заявил: «В основе идеи столкновения цивилизаций лежат искаженные представления и стереотипы, находясь во власти которых, некоторые группы страстно хотят новой войны религий, теперь уже в глобальном масштабе, причем бесчувственное или даже пренебрежительное отношение других к их вере или священным символам помогает им в этом» [5].

В этих условиях реабилитация восточных принципов жизнестроения является особенно актуальной. *Почва, кровь и вера* – три этих сакральных принципа сегодня вновь озвучены в восточных культурах, которые возвращаются к своим истокам. Современная политология должна преодолеть дальтонику новоевропейского разума, не умеющего читать эти знаки времени, и увидеть за фасадом медленно меняющихся политических институтов бурную лавину возрождающихся национальных традиций в политике.

Известный американский идеолог З. Бжезинский с сожалением констатирует, что первоначальная глобальная солидарность с Америкой все больше превращается в ее изоляцию. Современные тенденции свидетельствуют о росте негативных настроений в мире в связи с распространением американской культуры в процессе глобализации: «Современный антиамериканизм несет в себе некоторые черты разочарования, так что даже 50% жителей Великобритании стали критически относиться ко всему американскому и выступают за укрепление британских традиционных устоев» [6]. Экспансионистский курс США встречает все больше сопротивления в современном мире: националистически настроенные правительства Боливии, Кубы, Венесуэлы, Чили демонстрируют откровенно антиамериканские взгляды.

Другими словами, в ответ на глобализацию мир стал более сознательно и бережно относиться к поддержанию своего культурного разнообразия, к сохранению культурной самобытности. Новый лозунг китайских реформ «Китай станет обществом всеобщей гармонии в XXI веке!» отражает уверен-

ность политической элиты страны в том, что китайский путь модернизации принесет стране процветание с помощью укрепления традиционных конфуцианских ценностей. Аналогичный процесс происходит сегодня в Индии, политическая элита которой стала гордиться своей богатой самобытной культурой, что нашло отражение в слогане «Необыкновенная Индия!». Не случайно эксперты Всемирного банка прогнозируют бурное развитие восточных цивилизаций: китайской, индийской, исламской и буддистской. Так, удельный вес Азии и Северной Африки в мировом ВВП вырос с 16,2% (1950) до 29,9% в 2001 г. В 2015 г. этот показатель может достигнуть 36,5%, т.е. вплотную приблизиться к уровню западных цивилизаций. Лидерство по экономическим показателям развития продолжает уверенно удерживать Китай, удельный вес которого в мировой экономике поднялся с 2,7% в 1970 г. до 10,85% в 2001 г. и, по прогнозу Всемирного банка, будет продолжать расти до 14,2% в 2015 г. [7] Все это свидетельствует в пользу того, что восточные политические культуры создают прочную экономическую базу, позволяющую им активно отстаивать свою самобытность в глобализирующемся мире.

Новую политическую ситуацию пытаются осмыслить политики и общественные деятели западного мира. В своем выступлении в Католической академии Баварии в январе 2004 года кардинал Йозеф Ратцингер, будущий Папа Римский Бенедикт XVI, призвал западные страны к необходимости самоограничения. Он также критически высказался относительно проявления «западной гордыни», имея в виду претензии на универсальность «обеих великих культур Запада – культуры христианской веры и культуры светского рационализма». Примечательно, что он обратил при этом свой взор на восточные религии и выдвинул и другой тезис, который отстаивает также Русская православная церковь: «Сегодня концепция прав человека должна быть дополнена учением об обязанностях человека и о его возможностях» [8, с.10-11]. Российские политики также активно выступают против попыток раскола мира на так называемое «цивилизованное человечество» и «варварство», поскольку это путь к глобальной катастрофе [8, с.10].

На заре информационной эры один из идеологов «информационной революции» М. Маклюен пророчески писал о том, что «отсталые» страны могут научиться у технически «передовых», как нанести им сокрушительное поражение в виртуальной политической борьбе. Он обратил внимание на то, что в традиционных обществах осталась привычка к пониманию устной пропаганды и убеждения, тогда как в высокоразвитых индустриальных культурах эта привычка давно уже выветрилась. «Русским достаточно адаптировать свои традиции восточной иконы и построения образа к новым электрическим средствам коммуникации, чтобы быть агрессивно эффективными в современном мире информации», – пророчески предсказывал М. Маклюен [9].

К сожалению, мы в России все еще не воспользовались в полной мере этой плодотворной идеей.

Существует трагический разрыв между реальным символическим богатством российской политической культуры и ее виртуальным образом в мировых каналах коммуникаций. Российская политическая культура создавалась поколениями ярких политических мыслителей, писателей и философов, оказавших заметное влияние не только на отечественную политическую традицию, но и на мировую политическую мысль. Л. Толстой, Ф. Достоевский, И. Ильин, Г. Флоровский, И. Солоневич, Н. Данилевский, Н. Гумилев, А. Солженицын... именно они создавали политический мир России, размышляя о русской идее и русском характере, об особом русском пути и «всечеловеческой миссии России». Именно в русской политической традиции наиболее полно и глубоко разработаны проблемы символического капитала культуры: вопрос о духовном излучении культуры, о силе суждения, о «основе государства» (И. Ильин), о духе народа (И. Солоневич), о духовных символах цивилизационного единства (Н. Данилевский).

Каким же предстает сегодня политический мир России в мировых каналах коммуникаций?

Западные СМИ представляют образ России как авторитарной страны, где нет и не может быть демократической политической культуры, где отсутствует свобода слова, нарушаются права человека, нет гражданского общества. З. Бжезинский в своем интервью немецкой газете «Handelsblatt» подчеркивает сходство России с «итальянским фашизмом Муссолини 30-х годов: авторитарное государство, националистическая риторика, исторические мифы о великом прошлом». Ему вторит Л. Арон – директор российских исследований в Институте американского предпринимательства: «Сегодня власть в России основывается не только на военной силе, но и на нефти... Никогда прежде в российской истории такая немногочисленная группа людей не осуществляла такой жесткий контроль за национальным богатством страны» [10].

При этом **чем сильнее становится Россия, укрепляя свой экономический и политический потенциал, тем сильнее информационное давление извне**. Одним из парадоксов нашего времени является то, что образ современной российской политической культуры проигрывает даже в сравнении с образом советской политической культуры, хотя за два десятилетия Россия значительно продвинулась по пути формирования рыночной экономики, институтов гражданского общества и политической демократии, что в западных странах заняло нескольких столетий.

В свое время Советский Союз был способен создать достойный образ страны и национальной культуры, и о достижениях советской космонавтики, советской индустрии, советского спорта и советского балета знали во всех уголках земного шара. Многие достижения советской эпохи стали культовыми во всем мире: антарктические станции, подводный флот, Алексей Стаханов, космодром «Байконур», Юрий Гагарин, Луноход-1, автомат Калашникова... этот список можно продолжить. Нельзя не согласиться с В.Н. Ляпоровым: в наследство от

Советского Союза нам перешли не только милитаристские символы – ведь СССР был сильной эстетической и символической системой. Аудиотехника, игры, интерфейсы, архитектура и дизайн не «советское барахло», от которого предлагалось отказываться, а ультрамодные тенденции в среде гурманов высоких технологий от Токио до Нью-Йорка. Иностранные дизайнеры изучают и даже специально приезжают посмотреть на здания эпохи конструктивизма [11].

Известно, что в СССР была создана достаточно разветвленная система внешнеполитической информации и пропаганды, которая была почти полностью демонтирована в 1990-е годы, что сегодня российские эксперты признают как серьезную ошибку. Одновременно значительно расширилась сеть зарубежных информационных агентств внутри России, и сегодня зарубежные ресурсы на территории нашей страны на 15-20% превышают национальные. В результате внешнеполитический образ России в начале XXI в. стал значительно проигрывать по сравнению с образом СССР: социологические исследования свидетельствуют, что СССР положительно воспринимали не менее одной трети зарубежного населения, а в 2001 г. отрицательно относились к России 80% населения в развитых странах и 60% населения в развивающемся мире [12].

В последние годы предпринимаются определенные шаги, чтобы исправить существующее положение, больше внимания уделяется информационным технологиям и государственной информационной политике. В 2005 году начал вещать англоязычный телеканал Russia Today, ориентированный на Северную Америку, Азию, Африку и Австралию. С 2006 г. «Российская газета» начала масштабный проект подготовки специальных российских вкладок Trendline`s Russia («Российские тренды») для ведущих газет мира: американской Washington Post, британской Daily Telegraph и китайской «Жэнь минь жибао», в которые включены статьи об экономической, социальной, культурной и спортивной жизни России. В 2006-2007 гг. в США и Европе проведены беспрецедентные по размаху художественные выставки российского искусства, организованы международные форумы, состоялась международная акция Russia! в Нью-Йорке. Появились новые культурные проекты, экспертные форумы – «Валдайский клуб», «Диалог цивилизаций», «Петербургский диалог».

Однако обо всех этих мероприятиях и акциях негативно, язвительно или весьма сдержанно, как о государственной пропаганде, сообщают мировые каналы коммуникаций, что свидетельствует о низкой эффективности прямолинейных официозных и полуофициозных мероприятий. В результате среди некоторых российских политологов начало формироваться мнение, что проблема заключается не в том, как сформировать привлекательный образ России, а в том, как сделать саму Россию привлекательной [13].

Но при всей важности этой последней идеи нельзя не обратить внимание на то, что один из парадоксов развития информационного общества состоит в непрерывно

увеличивающемся разрыве между объектами и событиями реального мира и их образами, символами, имиджами в мире виртуальном. Человечество все глубже погружается в мир виртуального зазеркалья, где реальные события уже не играют особой роли, а определяющее значение принадлежит символической коммуникации: имидж и реальный объект все дальше отходят друг от друга. Борьба за общественное мнение — центральный нерв современной политики, и в информационной сфере сегодня используются самые современные технологии. Поэтому **не только сама Россия должна быть привлекательной, но и символический капитал культуры, транслируемый в мировые каналы коммуникаций, должен создавать достойный образ нашей страны.**

Дело не только в отсутствии «имиджевой стратегии», в недостатке средств и системных усилий, на что сетуют отечественные политологи, но, прежде всего, в содержании тех имиджевых проектов, которые предлагают российские информационные каналы. Сегодня остро ощущается недостаток ярких идей, по-настоящему созвучных глубоким традициям национальной культуры и потому поддержанных не только отдельными группами творческой или политической элиты, но большинством российского общества. Символический капитал культуры нельзя искусственно сконструировать, сила его символического воздействия в том общественном резонансе внутри страны, который транслируется вовне энергетикой национального культурного единства. Именно в этом магическая миссия *слова культуры*, многократно подхваченного эхом миллионов и сегодня беспрецедентно усиленного массовыми коммуникациями.

Наиболее глубоко к анализу вызовов информационной революции подошел Э. Фромм в своем фундаментальном труде «Анатомия человеческой деструктивности». Он обратил внимание на то, что человеку как существу, взыскующему смысла, важно опереться на определенную систему нравственных координат — разделить добро и зло, — чтобы противостоять внешним обстоятельствам. Особую роль в развитии коллективной идентичности играет *национальная идея* — система ценностных установок общества, в которых выражается самосознание народа и задаются цели личного и национального развития в исторической перспективе. Именно **национальная идея является ядром символического капитала культуры, что позволяет в информационном пространстве сформировать яркий внешнеполитический имидж государства.**

С этой точки зрения культурной гегемонией обладает та страна, которая выстроит в информационном пространстве и предложит своим гражданам яркий символический проект национальной идеи — систему национальных приоритетов, идей и традиций, которые для большинства окажутся более значимыми, чем любые информационные воздействия и соблазны извне. При этом в глобальном контексте информационного пространства чрезвычайно важно, чтобы провозглашенные национальные цели и приоритеты были признаны остальным сообществом как гуманные.

Внешнеполитический имидж страны должен вдохновлять ее граждан и вызывать положительный резонанс в мировом общественном мнении. Не случайно одной из главных мишеней разрушения постсоветской России стала система образования и науки — вымывание из школьных программ идей гражданственности и патриотизма, вплоть до скандально известного «переписывания» учебников отечественной истории, из которых бесследно исчезали наиболее значимые страницы русских побед. Широко известна также деятельность фонда Сороса в этом направлении.

Поэтому сегодня так актуальны слова М. Маклюена о преимуществах традиционных обществ в информационной войне. Его алгоритм победы в информационном противоборстве по-прежнему актуален: чтобы быть «агрессивно эффективными в современном мире информации», необходимо активизировать в сознании людей национальную систему приоритетов, создать яркий образ национальной идеи, адаптировать традиции восточной иконы к новым средствам коммуникации. Другими словами, **источником победы в информационном противоборстве может быть только символический капитал русской культуры, многократно усиленный современными высокими технологиями.**

Сегодня наиболее популярной идеей, глубоко укорененной в архетипах и кодах российской политической культуры, является идеология евразийства, поскольку, согласно многочисленным опросам социологов, большинство россиян (около 74%) по-прежнему считают Россию особой евразийской цивилизацией.

Россия как мост между Европой и Азией, как цивилизация на рубеже культур, обращенная в своем творческом политическом диалоге как к миру Востока, так и к миру Запада, дорога и понятна как самим россиянам, так и зарубежной политической аудитории. В этом можно усмотреть и цивилизационную миссию нашей культуры, и позитивный внешнеполитический имидж российского государства. Политическая активность России в рамках таких международных организаций, как СНГ, Евразэс, ШОС может и должна сопровождаться эффективными информационными имиджевыми кампаниями, раскрывающими высокую гуманитарную миссию России в политическом диалоге Востока и Запада.

Евразийцы предложили множество ярких и глубоких гуманитарных символов российской политической культуры, о которых сегодня важно напомнить в научных и политических дискуссиях, — это живое слово выдающихся национальных политических мыслителей: Н. Гумилева, П. Савицкого, Г. Флоровского, В. Вернадского. Евразийство блестяще проявилось и в художественном творчестве, в литературе и искусстве, что также обладает колоссальным эмоциональным воздействием в информационном пространстве. Само название *Россия-Евразия* сегодня приобретает смысл сжатой культурно-исторической и геополитической характеристики: существует особый тип евразийской культуры, евразийской идентичности, евразийской политики и геополи-

тики. Оно указывает, что в социокультурное бытие России вошли в соизмеримых между собой долях, перемежаясь и сплавляясь воедино, элементы культур Востока, Запада и Юга, создав особое синтетическое, евразийское геополитическое видение мира.

И сегодня в странах Востока – в Индии, Китае, Вьетнаме, Японии, Иране, Сирии – российская политическая культура и российская политическая миссия позитивно воспринимаются, прежде всего, в контексте евразийского диалога. Именно поэтому общественно-политический резонанс в мировых каналах коммуникаций от имиджевых акций России в этом политическом ареале может быть огромным.

Вопрос о символическом капитале российской политической культуры в информационном обществе – это вопрос *о высоком престиже* ценностей и принципов, на которых организовано пространство власти, что заставляет живущий на этом пространстве российский народ и все окружающие его народы уважать сложившуюся систему геополитических сил. Под русским трехцветным знаменем нельзя победить, пока оно выступает только символом государственной или национальной мощи. Оно должно стать в глазах народа символом веры, поэтому такое важное значение в России всегда имела национально-государственная идея, которую создавала интеллигенция. В этом смысле **культурное возрождение в России – более насущное национальное дело, чем текущие политические проблемы**. Ни экономику, ни государственность, ни нацию, ни позитивный внешнеполитический имидж страны нельзя создать только по рациональному плану, поскольку единственная реальность и нации, и государства, и его символического имиджа – в переживании людей, творящих эти процессы. Именно поэтому эффективные информационные имиджевые кампании должны начинаться с культурного обновления, а не с «политического заказа». Напомним, что немцы после поражения в Первой мировой войне усиленно распространяли в армии и в народе сочинения «романтика народного духа» Фихте, они понимали: возродится немецкий дух – возродится и немецкое государство.

Одним из главных условий создания позитивного имиджа России в мировых каналах коммуникаций является возрождение национальной гордости и высокой культурной самооценки: мы должны вновь научиться гордиться русской культурой, русским словом, русским искусством, прежде чем заинтересовать этим всех остальных. Английский журналист А. Ливен, много лет проработавший в России, утверждал, что главная проблема современной России – не недостаток демократии, а недостаток гражданского национализма [14]. Не стоит забывать о том, что имидж страны в первую очередь создается у себя дома, и сегодня большинство материалов, в той или иной степени дискредитирующих Россию, появляются в российской прессе. Как пишет Ж. Сапир, «нынешний имидж России отражает и двойственные представления о стране, сложившиеся у самих россиян. Вот уже почти два века русский

взгляд на Россию колеблется между ханжеской самовлюбленностью и ярой самокритикой. Нередко именно в российской прессе западные коллеги черпают элементы для поддержания мрачного имиджа страны» [15].

Именно поэтому культурное возрождение страны является главным условием проведения эффективных имиджевых кампаний. Символический капитал культуры неосязаем и невещественен, но его сила — в мистических межиндивидуальных взаимодействиях, его нити уходят в неведомые тайники народной души. Вот почему **духовное самоубийство России равносильно ее политическому самоубийству. В русской культуре «нация есть начало духовное»** [16].

А. Тойнби, исследовавший вызовы и ответы в истории цивилизаций, приводившие к их развитию и гибели, справедливо отметил: когда технологии эпохи могущественно подталкивают в одном направлении, мудрость вполне может потребовать уравновешивающего подталкивания в другом направлении. Эффективный ответ на вызов эпохи не может лежать в той же самой плоскости: иначе враждующие системы просто «взорвут» друг друга. Первыми ответ на вызов эпохи всегда находили художники. После появления телевидения они неожиданно почувствовали потребность в личном контакте с аудиторией. Телевидение своей моделью глубокого, но пассивного участия побудило молодых поэтов читать свои стихи в кафе и на площадях, поскольку устное слово драматически, а не пассивно захватывает все человеческое существо. В информационном обществе аналогичный эффект дают трансляции в прямом эфире, «прямой провод» с президентом или мэром.

Информационная эпоха, тиражирующая массовую культуру, высоко ценит харизматические пассионарные личности: не случайно политтехнологи сегодня большое внимание отводят имиджевым атакам «с помощью личного обаяния» (charm offensive), когда политический лидер находится в центре информационной кампании и с помощью личного обаяния старается улучшить имидж той страны или партии, которую представляет.

Высокоэффективные информационные технологии рождаются также на пути гибридного смешения или встречи разных коммуникативных систем, которые взаимно усиливают друг друга: так, соединение технологий шоу-концерта с политическими технологиями способно многократно усилить эффект политических действий, что продемонстрировали «бархатные революции». Современные системные исследования программируют гибридный принцип как метод творческого открытия, что позволяет увидеть в процессе пересечения двух средств коммуникации творческое рождение новой формы. И в сфере имиджевых кампаний этот принцип может привести к позитивному эффекту: не случайно именно патриотические песни советской эпохи (гибрид технологий шоу-концерта с политическими технологиями) обладали колоссальным мобилизующим эффектом и производили неизгладимое впечатление на иностранцев, достаточно вспомнить знаменитую «Катюшу». А пока на

российском телевидении более популярны такие слоганы и программы, как «Наша раша» и «Дом-2» (ТНТ), которые рисуют весьма сомнительный образ России в информационном пространстве.

В XXI веке в эпоху информационной революции главную роль в политике начинают играть культурно-информационные технологии. Символическая культурная гегемония в информационном обществе приобретает сегодня значение решающего ноосферного оружия: *тот, кто способен утвердить ценности символического капитала культуры в информационном пространстве, обладает решающими преимуществами в информационном поле — а значит, и на политической карте мира*.

Символический капитал русской культуры наделен огромной притягательной силой: в этом исторический и политический шанс России в эпоху информационной революции.

Литература

1. *Бурдье П.* Практический смысл. СПб., 2001. С.101-103.
2. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1998.
3. Цит. по: Зарубежное военное обозрение, 1997. № 8.
4. Данные доклада Международного статистического института ЮНЕСКО. Париж. 2005 // www.portal.unesco.org
5. Выступление Генерального секретаря ООН К. Аннана в связи с утверждением доклада «Альянс цивилизаций», Стамбул, 13 ноября 2006 г. Пресс-бюллетень ООН.
6. *Бжезинский З.* Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М., 2006. С.238-239.
7. Всемирный банк. Отчет о мировом развитии. 2002. М, 2002.
8. *Лавров С.В.* Настоящее и будущее глобальной политики // Россия в глобальной политике. 2007. Том 5. № 2.
9. *Маклюен М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003. С.394.
10. The New York Times, 25.10. 2007 // http://inosmi.ru /translation /237741.html
11. *Ляпоров В.Н.* Технологическое наследие Советского Союза // Russian Digital. 2007. Февраль.
12. *Кашлев Ю.Б., Панарин И.Н., Галумов Э.А.* Информация, массовая коммуникация и международные отношения. М., 2005. С.20, 25.
13. *Каноненко В.А.* Создать образ России // Россия в глобальной политике. 2006, № 2. С.121.
14. Эксперт, 2005. № 18. С.86.
15. *Сапир Ж.* Как избавиться от двойственного образа // Независимая газета. 2005. 1 февраля.
16. *Флоровский Г.* Письмо к П. Струве об евразийстве/ / Из прошлого русской мысли. М., 1998. С.126.

